

HISTORY OF THE EAST

Historiography, source critical studies, historical research methods

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Научная статья
УДК 930.2(07):24

Исторические науки

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-2-265-281>

Защитные формулы-паритты в буддийских текстах палийского канона

Сафарали Хайбуллоевич Шомахмадов

*Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия,
safaralihshom@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5322-349X>*

Аннотация. Статья посвящена анализу буддийских текстов, содержащих защитные формулы-паритты, как они представлены в канонических и неканонических текстах Палийского канона – Типитаки. Основное внимание уделяется трехчастной функциональной классификации канонических текстов тхеравады – сутт и джатак, содержащих паритты. Согласно представленной классификации, сакральные формулы южного буддизма можно разделить на «защитные», представляющие эквивалент простонародных заклинаний; «благопожелательные», обеспечивающие успех в благих начинаниях; «сотериологические», целью которых является обретение нирваны. Таким образом, паритты можно разделить на мирские, цели которых сугубо утилитарны, и надмирские, ведущие к реализации высшей религиозной цели. В статье отмечается полифункциональность паритт, ввиду которой сакральные возгласения могут быть отнесены к нескольким группам рассматриваемой классификации. Автор статьи указывает, что в буддийском неканоническом тексте тхеравады «Вопросы Милинды» представлено критическое отношение буддийской доктрины к практике рецитации защитных формул, однако сам факт такого обсуждения указывает на значимость возгласения паритт в традиции тхеравады. В результате исследования автор статьи приходит к следующим выводам: несмотря на критическое отношение буддийской доктрины к практике рецитации защитных формул, паритты, во многом корнями уходящие в глубокую архаику, активно вводятся в буддийский канон и сакрализуются наравне с нарративами, призванными обеспечить достижение нирваны.

Ключевые слова: паритты; Типитака; сутты; джатаки; сакральные формулы; тхеравада

Для цитирования: Шомахмадов С.Х. Защитные формулы-паритты в буддийских текстах палийского канона. *Ориенталистика*. 2022;5(2):265–281. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-2-265-281>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

The protective sacral formulas-parittās in buddhist texts of pāli canon

Safarali Khaybulloevich Shomakhmadov

Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg, Russia,

safaralihshom@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5322-349X>

Abstract. The article comprises an analysis of Buddhist texts with protective verbal formulas – parittās. It is based upon research of the Buddhist canonical and non-canonical texts of Tipiṭaka – Pāli Canon. Special treatment is given to the three-fold ‘functional’ classification of Theravāda canonical texts – Suttas and Jātakas, containing parittās. Following the classification, one can distinguish ‘protective’ parittās (equivalents of folk spells); ‘benevolent’ sacral formulas, which grant the success in the good undertaking; ‘soteriological’ ones, the main goal of which is to obtain the nirvāṇa. It comes out that parittās can be mundane with strictly utilitarian aims and super-mundane that have transcendental goals. The multi-functional characteristics of parittās are summarized in the article. The article comprises an analysis of plots of the non-canonical Theravāda text “The Questions of King Milinda” that contain the critical discussion on parittās. As a result, the author concludes as follows. Despite Buddhist doctrinal critics of parittās reciting the fact of discussion of this practice in non-canonical Theravāda texts confirms the value of parittās chanting in the tradition of Southern Buddhism.

Keywords: parittās; Tipiṭaka; suttas; jātakas; sacral formulas; Theravāda

For citation: Shomakhmadov S. Kh. The protective sacral formulas-parittās in Buddhist texts of pāli canon. *Orientalistica*. 2022;5(2):265–281. (In Russ.)

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-2-265-281>.

Введение

При изучении южноазиатской практики рецитации сакральных формул, а также ее отражении в письменных памятниках, как правило, рассматривается возгласение буддийских дхарани и мантр как в ортодоксальных, так и неортодоксальных течениях индийской религиозно-философской мысли. Исследования защитных формул в южном буддизме тхеравады, зафиксированных в Палийском буддийском каноне – Типитаке – не столь известны, как публикации, посвященные дхарани и мантрам, однако традиция их возгласения, механизмы инкорпорирования сакральных формул в канон тхеравады, а также рефлексия на практику их рецитации в рамках южнобуддийской традиции представляют серьезный научный интерес.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Палийский термин *parittaṃ* (*parittā*) (санскр. *paritray*, *paritrāṇa*) буквально означает «всеобъемлющая защита, охрана»¹. В буддийских канонических текстах он изначально употреблялся для обозначения защитных (от воздействия злокозненных существ – нелюдей (пал. *amānussa*; санскр. *amānuṣya*), якшей, бхут и др.), а также целебных (преимущественно против укусов ядовитых змей) заклинаний, обращенных к богам, буддам и бодхисаттвам [1, р. 347; 2, р. 321–326]. В текстах палийской традиции также встречаются такие производные от *parittā* слова, как *parittānubhāva* («восприятие паритты»), *parittakaraṇato* («творение паритты»). С практикой рецитации паритт теснейшим образом связан такой ментальный феномен, как «творение / утверждение истины» (пал. *sacca-kiriya*; санскр. *satya-kriya*, *satyādhiṣṭhāna*), подразумевающий, если кратко, как непоколебимую веру в истинность и, как следствие, действенность произносимых фраз, так и твердую уверенность в безусловности Благородных истин, утверждение которых способствует обретению полного освобождения. Безусловно, детальное изучение *satya-kriya* (*satyādhiṣṭhāna*) в рамках южнобуддийской традиции вполне применимо в исследованиях «северобуддийских» дхарани и мантр.

Цели и задачи статьи

Цель статьи – рассмотрение защитных формул-паритт, содержащихся в Палийском каноне (Типитаке), в аспекте их использования в рамках буддийской религиозной практики. Для реализации поставленной цели необходимо решение следующих задач:

- рассмотреть ментальный (*сачча-кирия* – «творение / утверждение истины») и «физический» (ритуальный) аспекты практики рецитации сакральных защитных формул-паритт;
- классифицировать тексты Палийского канона, содержащие сакральные защитные формулы, согласно функциональному принципу применения защитных формул;
- раскрыть содержание рефлексии буддийской классической философии на практику рецитации защитных паритт в буддийских неканонических текстах.

Как было отмечено ранее, по сравнению с исследованиями дхарани и мантр, специализированных публикаций, посвященных париттам, сравнительно немного. Среди таковых за авторством «включенных в традицию» исследователей – сингальских, бирманских буддийских монахов – необходимо отметить работу Пьядасси Тхеры (*Piyadassi Thera*) [3], статью Махатхеры Хаммалавы Саддхатиссы (*Hammalawa Saddhatissa Maha Thera*) [4], а также 6-томный труд Мингуна Саядо (*Mingun Sayadaw*) «Большая хроника будд» (*The Great Chronicle of Buddhas*). Практика рецитации паритт рассматривается М. Саядо в третьем томе, в гл. 22 [5]. Тема возгласения паритт обсуждается в палийском постканоническом произведении «Вопросы Милинды» («Милиндапаньха»), русскоязычный перевод которого впервые был издан в 1989 г. [6]. Среди специализированных публикаций, посвященных париттам, следует упомянуть статью Л. де Силва (*Lily de Silva*) [7], а также ее моно-

¹ Синонимом термина *paritta* в палийской традиции является слово *rakkham* (пал. *rakkham*; санскр. *rakṣam*).

графию [8], равно как и главу в коллективной монографии за авторством П. Харви (Peter Harvey) [9]. В качестве ключевых исследований феномена «установления истины» (*сачча-кирия*) необходимо упомянуть, пожалуй, первую публикацию по этой теме (1917 г.) за авторством Э. У. Бёрлинггейма (Eugene Watson Burlingame) [10], монографию сингапурского исследователя Чжоу Фа Кун (Chou Fah Kong) [11], а также пространную статью П. Кауфманна (Paulus Kaufmann) [12], представляющую собой интересную попытку изучения ментального аспекта возглашения сакральных формул применительно к практике японского эзотерического буддизма в традиции школы Сингон (досл. «Истинное слово»).

Хронологические рамки исследования ограничены II–I вв. до н. э., что обусловлено временем письменной фиксации основных источников, привлекаемых в данной статье. Таким образом, живая традиция возглашения защитных паритт в странах Южной и Юго-Восточной Азии, представляющая, несомненно, актуальный научный интерес, остается за рамками данного исследования.

Аспекты ритуала возглашения защитных паритт

В палийских источниках присутствует один существенный аспект рецитации паритт, имеющий сугубо ментальное измерение, – *сачча-кирия* (*самья-кирия*) (пал. *sacca-kiriya*; санскр. *satya-kriya*; досл. «творение истины») [13, р. 120]. Его синонимами выступают *сачча-вачана* (пал. *sacca-vacana*; санскр. *satya-vacana*) и *сачча-ваджджа* (пал. *sacca-vajja*; санскр. *satya-vādyā*) – «говoreние истины». *Самья-кирия* подразумевает абсолютную искренность намерений возглашающего паритту в стремлении осуществить смысл произносимых слов защитной формулы [2, р. 591], т. е. залогом исполнения слов «заклинания» является искренняя вера в обязательность осуществления сути произносимого [9, р. 67–68, 70–71, 74]. Даже если данный важный аспект провозглашения защитных формул мы находим в текстах южнобуддийской традиции, логично считать необходимым наличие этой «составляющей» и при произнесении как ведийских мантр, так и буддийских дхарани.

Всеми исследователями феномена «установления истины» при возглашении сакральных формул подтверждается, что *sacca-kiriya* представляет собой неотъемлемый аспект исполнения ритуала [11, р. 22; 12, р. 3–4], составляя в совокупности с вербализацией мантр / дхарани и, само собой, совершением неких действий триединство ментального, вербального и физического аспектов, которое необходимо для успешной реализации замысла (ритуала)². В этом смысле можно предположить, что чтение мантр / дхарани, зафиксированных в письменных памятниках, также предполагает вхождение в определенное состояние, характеризующееся как «творение истины», когда чтение сакральных формул как вслух (та же рецитация), так и «про себя» представляет собой вид речевой религиозной практики [16; 17], определенным образом маркированной в тексте.

² Триединство ментального, вербального и физического аспектов в традиции эзотерического буддизма японской школы Сингон носит название «трех тайнств» (*саммицу*): «тайна тела», «тайна речи» и «тайна мысли» [14, с. 19; 15, с. 97–98].

Обладая основной функцией защиты от различного рода бедствий и обеспечения благополучного исхода всевозможных мероприятий, паритты возглашаются как индивидуально, так и при скоплении слушателей и соисполнителей. Южнобуддийский ритуал рецитации сакральных формул представляет собой обрядовый комплекс, включающий в себя в том числе и архаические добуддийские верования. В связи с этим особый интерес представляет рассмотрение таких неотъемлемых атрибутов практики возглашения паритт, упоминаемых в канонических текстах тхеравады – сказаниях о прошлых рождениях Будды (*джатаках*), – как песок (пал. *vākilam*) и нить (пал. *suttakam*) [18, р. 396], а также ритуальных действий, где данные атрибуты используются³. Так, нить, во время возглашения сакральных формул поддерживаемая монахами, окружает всех слушателей-мирян, образуя тем самым своеобразный защитный круг, а по завершении ритуала делится на части по числу мирян и носит либо на запястье, либо на шее в качестве защитного амулета [9, р. 53–54].

Иной обряд, сопровождающий практику возглашения сакральных формул в традиции тхеравады, уходящий корнями в глубокую архаику, заключается в том, что во время рецитации паритт пепел от воскуряемых благовоний падает в специально установленный сосуд⁴ с водой, символизируя тем самым единение четырех стихий – «земли» (пепел), «огня», «воздуха» и «воды», – отчего вода, которой по завершении ритуала окропляются слушатели-миряне, становится освященной и обретает функцию защиты [9, р. 54–55].

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что практика рецитации защитных паритт в традиции тхеравады осуществляется сугубо в рамках отправления ритуала, в обязательном порядке подразумевающего триединство ментального («установление истины» – *сачча-кирия*), вербального (собственно возглашение паритт) и физического аспектов, включающего как определенное рода действия, так и манипуляции с атрибутами (песок, вода, нить).

Классификация сакральных формул в канонических текстах тхеравады

Паритты либо представляют собой отдельные сутты или джатаки, рецитируемые полностью, либо выдержки из них, укомплектованные в своего рода «сборники» (санскр. *санграха*, *самуччая*), построенные по определенному принципу. Однако, как упоминалось ранее, традиция составления отдельных собраний «заклинательных» текстов южного буддизма более поздняя. Таким образом, в рамках данной статьи будет целесообразным сосредоточиться на рассмотрении паритт в составе Палийского канона – Типитаки.

Основываясь на функциональном принципе классификации буддийских сакральных возглашений, впервые сформулированном выдающимся отечественным китаеведом-буддологом В. П. Васильевым (1818–1900) [19, с. 142], буддийские канонические тексты тхеравады, содержащие

³ К сожалению, в рамках данной статьи нет возможности рассмотреть все аспекты ритуальных действий, сопровождающих возглашение защитных паритт. Для более подробной информации по данному вопросу следует обратиться к статье Л. де Сильвы [7].

⁴ Сосуд также может обматываться сакральной нитью, что является примером комбинирования обрядов.

«сакральные формулы»-паритты, условно можно разделить на три группы: (1) «защитные возгласия»⁵, функция которых сугубо утилитарна – защита адресата сакральной рецитации от различного рода мирских напастей (болезней, стихийных бедствий, недругов, укусов ядовитых змей и насекомых, нападения диких животных, злых духов, неблагоприятного влияния планет); (2) благопожелательные паритты, возгласие которых призвано обеспечить успех в различных начинаниях, опять-таки преимущественно мирского характера (начало всевозможных празднований, рождение ребенка, свадьба, возведение нового дома, крупная покупка, хороший урожай, всеобщее благоденствие и пр.); (3) сотериологические паритты, цель которых – обретение адресатом возгласия религиозной заслуги (пал. *piñña*; санскр. *piṇṇa*), окончательного освобождения – нирваны. Стоит отметить: во-первых, многие канонические тексты тхеравады, содержащие сакральные формулы-паритты, могут быть отнесены сразу к двум, а то и ко всем трем, группам⁶, во-вторых, нельзя не обратить внимание на близость классификации паритт тхеравады и типологий дхарани, представленных в текстах «северобуддийской традиции» [20].

Так, к **первой группе** текстов можно отнести паритту, представленную в «Защищающей сутре» (*Атанатия*⁷-*сутта*, входящая в состав Дигхникаи), призванную защитить мирян, монахов и монахинь от происков зловредных существ – якшей, кумбхандов, нагов и прочих злокозненных демонов. Примечательно, что заклинание было озвучено не Бхагаваном, а одним из Четырех Махараджей-хранителей сторон света – повелителем севера Вайшраваной (пал. *Vessavaṇa*). Будда же лишь объявляет собранию монахов о необходимости изучения, освоения и запоминания данного заклинания. В перечне повелителей злокозненных демонов, к которым необходимо взывать, чтобы избавиться от происков их «подчиненных», упоминаются такие ведийские божества, как Индра, Сом, Варуна, Праджапати и др. [21, р. 472–478].

К первой группе текстов также можно отнести *Кхандха*⁸-паритту, именуемую «Защита [пяти] групп [причинно-обусловленных дхарм]⁹», которая восходит к одноименной *Кхандха-ватта-джатаке* («Джатака о продлении жизни»¹⁰). В джатаке представлено заклинание против четырех видов змей,

⁵ В этом аспекте буддийские паритты обнаруживают явное сходство с магическими заклинаниями народной традиции.

⁶ На полифункциональность палийских паритт указывает также Л. де Сильва [7, р. 140].

⁷ Пал. *āṭṭānāṭṭiya*; санскр. *ātrāṇṭiṭiya*.

⁸ Пал. *khandho*; санскр. *skandha*.

⁹ *Панчаскандха* – пять групп, формирующих понятие «индивид»: группа материи (*рупа-скандха*), группа чувствительности (*ведана-скандха*), группа понятий (*самджня-скандха*), группа формирующих факторов (*самскара-скандха*), группа сознания (*виджняна-скандха*).

¹⁰ *Khandha-vatta* (санскр. *Skandha-varta*) – досл. «возобновление, воспроизведение скандх», т.е. джатака, повествующая о способах продления деятельности групп причинно-обусловленных дхарм, формирующих понятие «индивид». Иными словами, это джатака «о способах продления пребывания в сансаре», по сути – о способах продления земной жизни.

смертельно жаливших отшельников. Спасение, согласно повествованию, заключается в провозглашении доброжелательного расположения (пал. *metta*; санскр. *maitrī*) ко всем живым существам, в том числе и к ядовитым змеям [22, p. 100–102]. Таким образом, Кхандха-паритта может быть отнесена и к группе «сотериологических возгласий», поскольку в ней также утверждается практика дружелюбия – *майтри*. «Заклинательные» гатхи Кхандха-ватта-джатаки практически в неизменной форме получили статус самостоятельной защитной формулы.

Также к вышеозначенным двум группам («защитные» и «сотериологические» паритты) можно отнести текст *Мора-джатаки* («Джатаки о Павлине»), повествующей о золотоцветном (проповедующем Дхарму, согласно тексту Махамора-джатаки) павлине-отшельнике, где представлены общие правила произнесения защитных формул, что называется, «на каждый день». Вызывают интерес два фрагмента рецитации защитных формул-паритт, содержащихся в данной джатаке. Согласно каноническому повествованию, чудесный павлин произносил паритты дважды в день – утром и вечером, – что призвано было уберечь его от различных бедствий (каких именно, в тексте джатаки не уточняется). Благодаря непрерывной рецитации защитных формул золотой павлин неизменно избегал опасности быть пойманным – шесть ловцов на протяжении семи лет, каждый безуспешно, пытались изловить диковинную птицу, и только седьмому охотнику в конце его семилетнего срока выслеживания павлина удалось его поймать¹¹. И причиной неудачи, постигшей волшебную птицу, послужило прерывание рецитируемой паритты – павлин увидел подставленную охотником в качестве западни прекрасную самку, и впад в вожделение, «пернатый отшельник» забыл произнести защитную формулу до конца, что и привело к его пленению.

Хотя повествование о царственном павлине и принято соотносить с сюжетами, связанными с Махамаюри – одним из пяти персонажей культа Панчаракша, смысл джатаки, пусть и связан напрямую с рецитацией защитных формул, существенно отличается от заклинаний, свойственных текстам цикла «Пяти защит». Прежде всего обращают на себя внимание «объекты восхваления», упоминаемые в паритте Мора-джатаки. Первая паритта обращена к Брахме-солнцу, вторая – содержит сразу несколько адресатов почитания, на рассмотрении которых следует остановиться подробнее. Первыми упоминаются «брахманы, сведущие во всем» (*brahmaṇā vedagu sabbadhamme*), апелляция к которым, согласно тексту джатаки, способна обеспечить защиту лица, возглашающего паритту (*maṃ pālayantu*). Затем следуют почтительные обращения к буддам (*nam' atthu buddhānaṃ*), просветленному состоянию сознания – бодхи (*nam' atthu bodhiyā*), подвижникам, обретшим бодхи и тем самым достигшим освобождения (архатам) (*namo vimuttānaṃ*), и, наконец, освобождению как таковому (*namo vimuttiyā*) [13, p. 47–49]. Беспорно, здесь мы видим нормативный перечень идеалов стхавиравады («Учения старейшин»; в южнобуддийской традиции – тхеравады). Таким образом, вторая паритта представляет собой мнемотехнический прием запоминания¹² рели-

¹¹ Обращает на себя внимание усиление сакрального для буддийской традиции числа семь – семь раз по семь лет.

¹² То, что может быть названо *dhāraṇa*(ī).

гиозных (в данном случае, надо понимать, монашеских) предписаний, забвение которых неизбежно ведет к отпадению от правил Винаи, неизбежно влекущему за собой кармическое возмездие. То, что изначально праведный павлин-отшельник, соблюдая религиозную чистоту, на протяжении длительного времени был огражден от житейских напастей, являет собой убедительный пример характерной для индийской религиозной традиции неразрывной связи земного благополучия и духовного совершенствования – физического и ментального уровней бытия.

К текстам **второй группы** – благопожелательным париттам – можно отнести «Сутру о Сокровище» (*Ратана-сутта*). Небольшой по объему данный канонический текст, входящий в состав Чулла-вагги – второго раздела Сутта-нипаты, пожалуй, представляет собой сакральное возгласие в чистом виде: восхваления Бхагавану и его Учению перемежаются с пожеланиями благополучия всем живым существам [23, р. 28–30; 24, р. 39–42]. Практически каждый «смысловой блок» текста завершается словами «Этой истиной да воцарится благо!» (*etena saccena suvatthi¹³ hotu*), последние три – сокращенной версией предыдущего изречения: «Да воцарится благо!» (*suvatthi hotu*).

Паритта Ангулималы¹⁴, согласно традиции, помогает беременным родить здорового ребенка. Выделенная из текста Ангулимала-сутты, входящей в состав четвертого раздела (*Раджа-вагга*; Раздел «О царях») Маджджхима-никаи, данная паритта, в строгом смысле слова, с трудом может быть названа заклинательной формулой – нет ни воззвания к какому-либо объекту поклонения, ни обращения к нему с какой-либо просьбой. Эффект от произнесенной фразы достигается посредством рассмотренного выше «творения (говорения) истины» (*самья-крия*). Ангулимала произнес, обращаясь к роженице: «<...> с тех пор, как я обрел Благородное Рождение (архатство), я не лишил никого жизни; как сказанное – истина, точно так же тебе и твоему ребенку ничего не будет угрожать» [25, р. 714]. Впоследствии данное изречение получило хождение на правах самостоятельной заклинательной формулы.

К **третьей группе** сакральных возгласий южнобуддийской традиции, характеризующих направленностью на обретение религиозной заслуги и как высшей цели – достижение освобождения от оков сансары, можно отнести паритту «Верхушка знамени» (*Дхаджагга¹⁵-паритта*), вполне вероятно соотносимую с известной Дхваджа-агра-кеюра-дхарани (*Dhvajāgra-keyūrā-dhāraṇī*; «Дхарани, [именуемое] 'Браслет на вершине знамени'»). Текст также имеет другое название – Апараджита-дхваджа (*Aparājitadhvaṇja*; «Непобедимое знамя»). Данная паритта, как и в случае с Ратана-суттой, полностью совпадает с текстом одноименной сутры. Смысл повествования заключается в том, что лишь обращение к Трем Сокровищам – Будде, Дхарме и Сангхе – способно избавить людей от «страха, оцепенения, мороза по коже» [6, с. 468–469].

¹³ Санскр. *svasti!*

¹⁴ *Aṅgulimālā* (букв. «Ожерелье из пальцев») – имя разбойника, обращенного Буддой. До встречи с Бхагаваном душегуб отрезал пальцы своих жертв в качестве трофеев.

¹⁵ Пал. *dhajagga*; санскр. *dhvajāgra*.

С одной стороны, Дхаджагга-паритту также можно отнести и к первой группе, поскольку ее рецитация способствует устранению вполне мирских (психологических) проблем – страх, оцепенение. С другой стороны, эффект от возглашения данного сакрального текста можно интерпретировать как освобождение от аффектов, поскольку просветленный «<...> свободен от страсти, свободен от ненависти, свободен от заблуждений, не робок, не боязлив <...>» [6, с. 469].

Таким образом, в южнобуддийской традиции важное место в религиозной практике занимала рецитация защитных формул-паритт, представлявших собой выдержки из наиболее популярных канонических текстов либо же все произведение целиком, если, как в случае с Ратана-суттой, было невелико по объему и должным образом ритмизовано. Важно отметить, что «основой» паритт служили как действительные заклинания против змей, злых духов и т. п., вероятно имеющие добуддийское происхождение, но впоследствии инкорпорированные в канонические сюжеты [7, р. 140], так и «доктринально значимые» восхваления Трех Сокровищ – Будды, Дхармы, Сангхи, – рассматриваемые как способы удержания в памяти (*дхарана*) ключевых понятий буддийской доктрины, постоянное памятование о которых способствует устранению аффективных состояний сознания.

Основываясь на анализе вышеозначенных буддийских канонических письменных памятников, можно констатировать, что, как и в случае с ведийской мантрой, при исследовании паритт южнобуддийской традиции мы обнаруживаем два уровня бытования защитных словесных формул: (1) уровень «простонародных форм религии», различного рода «магических» манипуляций, призванных удовлетворить конкретные человеческие потребности, и (2) так называемый иератический уровень, где рецитация словесных формул направлена на реализацию конечной религиозной цели, в данном случае – достижения нирваны.

Вместе с тем необходимо отметить заметное взаимопроникновение этих двух уровней бытования защитных формул в традиции буддизма тхеравады. Так, «доктринально значимые» изречения функционируют в статусе вербальных оберегов для достижения вполне мирских целей (например, паритта из Мора-джатаки – для защиты от укусов ядовитых змей либо изречение из Ангулимала-сутты – для успешных родов), в то время как стихотворные фрагменты (заговоры от все тех же змей) Кхандха-ватта-джатаки, имеющие, по всей видимости, весьма древнее происхождение, в буддийской традиции прочно связываются с добродетелью дружелюбия по отношению ко всем живым существам.

Дискуссия об использовании паритт в «Вопросах Милинды»

Богатый материал для изучения защитных формул-паритт в ранней буддийской традиции может дать анализ одного из «ответов на вопросы» (*pañhā-veyyākaraṇa*)¹⁶, содержащегося в известном буддийском тексте «Вопросы Милинды» («Милиндапаньха»), созданном приблизительно во II–I вв. до н. э. и представляющем собой, по сути, обширный комментарий к различным аспектам буддийской доктрины, в том числе и по поводу

¹⁶ В русскоязычном издании – «Вопрос 4» Третьей книги [6, с. 167–170].

использования заклинаний. Важность данного письменного памятника обусловлена тем, что, по всей видимости, «Вопросы Милинды» создавались незадолго до письменной фиксации Палийского канона либо одновременно с ним, и данный текст может содержать воззрения, изначально бытовавшие в некогда единой традиции, а впоследствии обусловившие специфику различных направлений и школ буддизма. Письменная фиксация «Милиндапаньхи» состоялась уже после Третьего буддийского собора (ок. 250 г. до н. э.), на котором были подвергнуты строжайшему анализу все воззрения, причисляемые в то время к буддийским; многие были отвергнуты как еретические. Аналитический подход, успешно примененный на Соборе в Паталипутре в III в. до н. э., был использован также при составлении «Вопросов Милинды» – обсуждение различного рода доктринальных «вопросов», представленное в письменном памятнике, выстроено по правилам традиционного индийского диспута. Важным здесь является включение защитных формул-паритт в круг обсуждаемых вопросов, а также отстаивание буддийским авторитетом, монахом Нагасеной, правомерности использования практики заклинаний, что, бесспорно, говорит об их особом месте в буддийской традиции. Недаром после Третьего буддийского собора от сарваствивады отделились ряд «подшкол», объединившихся в вибхаджьяваду (пал. *Vibhajjavāda*¹⁷; санскр. *Vibhajjavāda*), из которой вышли и саутрантика, и дхармагуптака, включившая в свой канонический свод «Собрание дхарани» (Дхарани-питака).

Размышление по поводу использования защитных формул-паритт в «Милиндапаньхе» начинается обращением индо-греческого царя Милинды (Менандр, 165–130 гг. до н. э.) к буддийскому тхере Нагасене с известным изречением Бхагавана о том, что нигде в мире желаний ни одному живому существу не укрыться от сетей смерти¹⁸. По справедливому замечанию А. В. Парибка, фраза несколько изменена [6, с. 406]; в оригинальной версии, представленной в Дхаммападе [28, с. 80; 29, р. 52–53], а также ее тибетской версии – Уданаварге [30, р. 5, 40] речь идет о двух гатхах, в которых ярко иллюстрируется действие закона причинно-следственного возникновения (*pratitya-samutpada*).

Таким образом, рассуждение о правомерности использования в рамках буддийской доктрины защитных формул в тексте «Вопросы Милинды» начинается с канонического изречения, утверждающего, что все человеческие несчастья, хотя и кажутся совершенно незаслуженными, проистекают из собственных дурных деяний, совершенных в прошлых жизнях. Вокруг него строится вся дискуссия по поводу функционирования паритт в буддийской традиции. Менандр справедливо задается вопросом: если кармическое следствие неотвратимо, согласно Слову Будды, то защитные формулы абсолютно бесполезны; однако известно, что Бхагаван наставлял в рецитации паритт, но тогда выходит, что имеющее сакральный статус буддавачаны утверждение о неотвратимости кармического следствия ложно [6, с. 168].

¹⁷ «Вера, которая анализирует; Религия логики, или разума» [26, р. 87].

¹⁸ Na antalikkhe, na samuddamajjhe, / na pabbatānaṃ vivaraṃ pavissa, / na vijjati so jagatippadeso / yattha – tthito muñceyya Maccupāsā ti [27, р. 150].

Нагасена разрешает противоречие, говоря о том, что действие защитных формул распространяется только на тех, чей срок еще не настал и «у кого нет препятствий, порожденных деянием» [6, с. 168]. Таким образом, паритты не могут повернуть время вспять и сделать больного здоровым, а немощного старика – полным сил юношей. То есть, что весьма важно для понимания функции отправления «заклинаний» в ранней буддийской традиции, защитные формулы отличаются от сверхъестественных (риддхических) способностей будд и бодхисаттв, они способны лишь *предотвратить* еще не совершившееся бедствие. Также паритты никоим образом не связаны с магией, прорицательством, которые в буддийском каноне категорически порицались. Так, в «Брахмаджала-сутте» «Дигха-никаи» перечисляются «низкие искусства», недостойные средства, коими не должны отшельники и брахманы обеспечивать себе пропитание. Среди них – использование магии как в отношении целых народов (вызывание посредством заклинаний обильных дождей или засухи, урожая или голодных сезонов, насылаение эпидемий или их прекращения), так и в отношении отдельных людей (умилостивление богов для получения для кого-нибудь конкретной выгоды, обеспечение определенному человеку здоровья или, наоборот, наведение на него хвори) [31, р. 34–39]. Примечательно, что в качестве аргументации в защиту практики рецитации заклинаний, по действенности равной применению лекарственных средств, Нагасена указывает на профилактический, сугубо «внешний», эффект – провозглашение защитных формул в любом случае способствует укреплению дыхательных путей и органов речи [6, с. 169].

Еще один важный момент – рецитация паритт, согласно тексту «Милиндапаньхи», приносит желаемый результат исключительно благочестивым людям, не обремененным дурными поступками, которые делают тщетными все попытки произнесения защитных формул, провозглашение сакральных фраз не имеет действия при наличии физического, вербального или ментального препятствий (дурных поступков или речей, а также аффективных состояний сознания) и, главное, ввиду отсутствия искренней веры в произносимое [6, с. 170], обеспечивающей «творение истины» (*самья-крия*) – действенность вербализованных формул. То есть, если заговор не действует, виноват сам произносящий [6, с. 170]. Однако там же, в тексте «Вопросов Милинды», также в защиту действенности вербальных защитных формул приводятся сюжеты двух джатак – «Джатаки о сундуке» (*Самугга-джатака*¹⁹) и «Джатаки об осквернении знамени» (*Дхаджавихетха-джатака*²⁰), – где представлены далекие от благочестия похождения искусных в магических средствах полубогов – *видьядхар*, которые с помощью заклинаний достигали своих мирских целей [6, с. 169–170].

Также в «Милиндапаньхе» представлен «репертуар» основных «бытовых» защитных паритт, в частности в южнобуддийской традиции. Так, наиболее востребованы были заклинания от укусов ядовитых змей, нападения разбойников, разъяренного слона, лесного пожара, пищевого отравления, наемных убийц [6, р. 169].

¹⁹ Пал. *Samugga-jātaka*; санскр. *Samudga-jātaka* [32, р. 313–316].

²⁰ Пал. *Dhāvaviheṭṭha-jātaka*; санскр. *Dhvāvaviheṭṭha-jātaka* [32, р. 189–191].

Выводы

Прежде всего, необходимо отметить, что в канонических и неканонических текстах тхеравадинской традиции отчетливо выражено двойственное отношение буддийской доктрины к заклинательной практике. С одной стороны, рецитация защитных паритт обоснованно подвергается критике, поскольку главная цель – освобождение от аффективных состояний сознания посредством сложной медитативной практики и, как следствие, достижение нирваны – в среде неискушенных последователей замещается очевидно более легким путем достижения благ, как мирских, так и духовных, через «шарлатанское» (*kuhaka*) бормотание бесполезных, с позиций буддийской доктрины, словесных формул. Практика рецитации защитных заклинаний в текстах Палийского канона позиционировалась как недостойная, низкая наука. Причины такого отношения вполне объяснимы: возгласение как благопожелательных заклинаний, так и проклятий, наносящих вред оппоненту, прорицательство, врачевание с помощью лекарственных растений и различных заговоров и другие «магические искусства» были широко распространены в индийской ортодоксальной традиции как весьма прибыльная статья дохода жреческого сословия.

Вместе с тем канонические тексты Сутта-питаки изобилуют примерами использования вербальных формул для очищения сознания от аффектов, что способствовало проникновению в суть Дхармы, как в случае с чудесным золотоцветным павлином в Мора-джатаке. Наравне с «высоким», иератическим, уровнем бытования защитных паритт в буддийской традиции, в Палийском каноне присутствуют сюжеты, где налицо успешное применение заклинаний в сугубо мирских целях. То есть в текстах Сутта-питаки словесные формулы, произносимые как для достижения религиозного идеала, так и «в бытовых целях», одинаково обретают сакральный статус и обладают равной степенью действенности, критерии которой также отчетливо формулируются в каноне.

Так, «результативность» рецитации защитных формул напрямую зависит от свободы произносящего заклинание от физических, вербальных и ментальных препятствий (дурных поступков, выражений, отсутствия аффективных состояний сознания). Немаловажным фактором, обеспечивающим успех от произнесения сакральных фраз, является наличие непоколебимой веры в истинность произносимого речения, что называется «творением истины» (*сатья-крिया*). Таким образом, практически любой канонический текст, обладающий статусом Слова Будды (*буддавачана*), может рассматриваться как имеющий защитные функции заклинания, поскольку, во-первых, является выражением истины (произнесен Бхагаваном) и, во-вторых, декламация данного текста «автоматически» подразумевает искреннюю веру в непоколебимость идей, выраженных в нем. Такое «превращение» текста в заклинание произошло, например, с ранее рассмотренной Ратана-суттой.

Также стоит отметить, что уже в ранний период функционирования буддийской традиции формируется основной «репертуар» мирских защитных заклинаний, отражающий наиболее актуальные проблемы древнеиндийского общества, решение которых, согласно обывательскому сознанию, не мыслилось без «божественного вмешательства». Одним из главных бедствий в Древней Индии считались укусы ядовитых змей, во множестве обитающих

в джунглях и заползающих в дома; грабители, подстерегающие путников; нападения диких, а также разъяренных животных, в частности слонов; лесной пожар, способный уничтожить целую деревню; распространенные в жарком климате пищевые отравления; покушения наемных убийц.

Литература

1. Childers R. C. (ed.) *A Dictionary of the Pali Language*. London: Trübner & Co., 1875. 624 p.
2. Kariyawasam A. G. S. Saccakiriya / Malalasekera G. P., Weerarante W. G. (eds) *Encyclopaedia of Buddhism*. Vol. VII. Fasc. 1. Colombo: Government of Ceylon, 2003. 792 p.
3. Piyadassi Th. *The book of protection: Paritta*. Kandy: Buddhist Publication Society; 1975. 123 p.
4. Saddhatissa H. The Significance of Paritta and its Application in the Theravāda tradition // Kalupahana D. J. (ed.) *Buddhist Thought & Ritual*. Delhi: Motilal Banarsidass, 2001. P. 125–137.
5. Sayadaw M. *The Great Chronicle of Buddhas*. Vol. III. Yangon: Ti-Ni Publishing Center, 1996. 496 p.
6. *Вопросы Милинды (Милиндапаньха) / пер. с пали, иссл. и комм.* А. В. Парибка. М.: Наука; ГРВЛ, 1989. 484 с.
7. Silva de, L. The Paritta Ceremony of Sri Lanka: Its Antiquity and Symbolism // Kalupahana D. J. (ed.) *Buddhist Thought & Ritual*. Delhi: Motilal Banarsidass, 2001. P. 139–150.
8. Silva de, L. *Paritta: A Historical and Religious Study of the Buddhist Ceremony for Peace and Prosperity in Sri Lanka*. Colombo: National Museums of Sri Lanka, 1981. 175 p.
9. Harvey P. The Dynamics of Paritta Chanting in Southern Buddhism // Werner K. (ed.) *Love Divine: Studies in Bhakti and Devotional Mysticism*. London: Curzon, 1993. P. 53–84.
10. Burlingame E. W. The Act of Truth (Saccakiriya): A Hindu Spell and its Employment as a Psychic Motif in Hindu Fiction. *Journal of Royal Asiatic Society*. 1917; Jul.:429–467. <https://doi.org/10.1017/s0035869x00050528>
11. Kong Choy Fah. *Saccakiriya: The Belief in the Power of True Speech in Theravāda Buddhist tradition*. Singapore: Choy Fah Kong, 2012. 285 p.
12. Kaufmann P. Saccakiriya and Shingon – Kūkai on truth in ritual. *Electronic Journal of Central and East Asian Religions*. 2016;2:1–66.
13. Fausböll V. (transl. and notes) *Ten Jātakas. The Original Pāli Text*. London–Copenhagen: Trübner & Co.; H. Hagerup, 1872. 127 p.
14. Икэгути Экан. *Подвижник огня / пер. с яп.; ред., пер. и вступ. ст.* Т. П. Григорьевой. М.: Республика, 1996. 462 с.
15. Семенцов В. С. *Проблемы интерпретации брахманической прозы. Ритуальный символизм*. М.: Наука; ГРВЛ, 1981. 184 с.
16. Остин Дж. Л. Слово как действие. *Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. Вып. 17: Теория речевых актов*. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.
17. Вежбицкая А. Речевые акты. *Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. Вып. 16: Лингвистическая прагматика*. М.: Прогресс, 1985. С. 251–275.

18. Fausbøll V. (ed.) *The Jātaka, together with its commentary, being tales of the anterior births of Gotama Buddha*. 1877. Vol. I. 511 p.

19. Васильев В. П. *Буддизм, его догматы, история и литература*. Ч. I: *Общее обозрение*. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1857. 365 с.

20. Шомахмадов С. Х. Классификация дхарани в буддийских канонических и постканонических источниках. *Mitrasampradānam: сб. науч. ст. к 75-летию Ярослава Владимировича Василькова*. СПб.: МАЭ РАН, 2018. С. 507–518.

21. Walshe M. (transl. from the Pali) *The Long Discourses of the Buddha: A translation of the Dīgha Nikāya*. Boston: Wisdom Publications, 1995. 648 p.

22. *The Jataka or Stories of the Buddha's former Births*. Transl. from the Pali by various hands under the editorship of Prof. E. B. Cowell. Transl. by W. H. D. Rouse. Vol. II. Cambridge: University Press, 1895. 316 с.

23. Norman K. R. (transl., introd., notes) *The Group of Discourses (Sutta-nipāta)*. Second ed. Oxford: Pali Text Society, 2001. 456 p.

24. Anderse D., Smith H. (eds) *Sutta-nipāta*. New ed. Oxford: Oxford University Press, 1948. 226 p.

25. *The Middle Length Discourses of the Buddha. New Translation of the Majjhima Nikāya*. Transl. from Pali into English by Bhikkhu Ñāṇamoli and Bhikkhu Bodhi. Boston: Wisdom Publication, 1995. 1425 p.

26. Rhys Davids T. W., Stede W. (eds) *Pali-English Dictionary*. London: Pali Text Society, 1952. 738 p.

27. Trenckner V. (ed.) *The Milindapañho: Being Dialogues between king Milinda and the Buddhist sage Nagasena*. The Pali Text. London–Edinburgh: Williams and Norgate, 1880. 431 p.

28. *Дхаммапада* / пер. с пали, введ. и комм. В. Н. Топорова. М.: Восточная литература, 1960. 159 с.

29. Daw Mya Tin (transl.) *The Dhammapada*. Yangon, Myanmar: Department for the Promotion and propagation of the Sasana, Yangon, 2003. 176 p.

30. Woodville Rockhill W. (transl. from the Tibetan of the Bkah-hgyur; notes and extracts from the comment. of Pradjñāvarman) *Udanavarga: A Collection of Verses from the Buddhist Canon, Compiled by Dharmatrāta. Being the Northern Buddhist Version of Dhammapada*. London: Trübner & Co., 1883. 224 p.

31. Barua A. (ed.) *Dīgha-nikāya (Romanize Pāli Text with English Translation)*. Vol. I. Delhi: New Rharatiya Book Corporation, 2008. 512 p.

32. Cowell E. B. (transl. from the Pāli by various hands; ed.) *The Jātaka or Stories of the Buddha's Former Births*. Vol. III. Cambridge: University Press; 1897. 328 p.

Информация об авторе

Шомахмадов Сафарали Хайбуллоевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Сериндика» Института восточных рукописей РАН, Санкт Петербург, Россия;
<https://orcid.org/0000-0002-5322-349X>,
© safaralihshom@mail.ru

Author's Links

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 08 февраля 2022 г. Одобрена после рецензирования: 16 апреля 2022 г. Принята к публикации: 16 апреля 2022 г. Опубликовано: 29 июня 2022 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку eLIBRARY.RU. Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

References

1. Childers R. C. (ed.) *A Dictionary of the Pali Language*. London: Trübner & Co., 1875. 624 p.
2. Kariyawasam A. G. S. Saccakiriya // Malalasekera G. P., Weerarante W. G. (eds) *Encyclopaedia of Buddhism*. Vol. VII. Fasc. 1. Colombo: Government of Ceylon, 2003. 792 p.
3. Piyadassi Th. *The book of protection: Paritta*. Kandy: Buddhist Publication Society, 1975. 123 p.
4. Saddhatissa H. The Significance of Paritta and its Application in the Theravāda tradition // Kalupahana D. J. (ed.) *Buddhist Thought & Ritual*. Delhi: Motilal Banarsidass, 2001. P. 125–137.
5. Sayadaw M. *The Great Chronicle of Buddhas*. Vol. III. Yangon: Ti-Ni Publishing Center, 1996. 496 p.
6. *The Questions of King Milinda (Milinda Pañha)*. Transl. from Pāli, research and comments of A. V. Paribok. Moscow: Nauka; GRVL, 1989. 484 p. (In Russ.)
7. Silva de, L. The Paritta Ceremony of Sri Lanka: Its Antiquity and Symbolism // Kalupahana D. J. (ed.) *Buddhist Thought & Ritual*. Delhi: Motilal Banarsidass, 2001. P. 139–150.
8. Silva de, L. *Paritta: A Historical and Religious Study of the Buddhist Ceremony for Peace and Prosperity in Sri Lanka*. Colombo: National Museums of Sri Lanka; 1981. 175 p.
9. Harvey P. The Dynamics of Paritta Chanting in Southern Buddhism // Werner K. (ed.) *Love Divine: Studies in Bhakti and Devotional Mysticism*. London: Curzon, 1993. P. 53–84.
10. Burlingame E. W. The Act of Truth (Saccakiriya): A Hindu Spell and its Employment as a Psychic Motif in Hindu Fiction. *Journal of Royal Asiatic Society*. 1917; Jul.:429–467. <https://doi.org/10.1017/s0035869x00050528>

11. Kong Choy Fah. *Saccakiriya: The Belief in the Power of True Speech in Theravāda Buddhist tradition*. Singapore: Choy Fah Kong; 2012. 285 p.
12. Kaufmann P. Saccakiriya and Shingon – Kūkai on truth in ritual. *Electronic Journal of Central and East Asian Religions*. 2016;2:1–66.
13. Fausbøll V. (transl. and notes) *Ten Jātakas. The Original Pāli Text*. London–Copenhagen: Trübner & Co.; H. Hagerup, 1872. 127 p.
14. Ikeguchi Ekan. *The Ascetic of Fire*. Transl. from Japanese by T. P. Grigor'eva. Moscow: Respublika, 1996. 462 p. (In Russ.)
15. Sementsov V. S. The problems of the interpretation of the Brahmanic prose. The ritual symbolism. Moscow: Nauka, GRVL, 1981. 184 p. (In Russ.)
16. Austin J. L. The Word as Act. *The New in Foreign Linguistics*. Issue 17: *The Theory of Verbal Acts*. Moscow: Progress, 1986. P. 22–129. (In Russ.)
17. Vezhbitskaia A. The Verbal Acts. *The New in Foreign Linguistics*. Issue 16: *The Linguistic Pragmatics*. Moscow: Progress, 1985. P. 251–275. (In Russ.)
18. Fausbøll V. (ed.) *The Jātaka, together with its commentary, being tales of the anterior births of Gotama Buddha*. 1877. Vol. I. 511 p.
19. Vasiliev V. P. *Buddhism, its dogmats, history and literature*. Pt. I: *Common review*. St. Petersburg: Tipografia Imperatorskoi Akademii nauk, 1857. 365 p. (In Russ.)
20. Shomakhmadov S. Kh. The Dhāraṇī Classification in Buddhist Canonical and Post-Canonical Texts. *Mitrasampradānam. A collection of papers in honour of Yaroslav Vassilkov*. SPb.: MAE RAN, 2018. P. 507–518. (In Russ.)
21. Walshe M. (transl. from the Pali) *The Long Discourses of the Buddha: A translation of the Dīgha Nikāya*. Boston: Wisdom Publications, 1995. 648 p.
22. *The Jataka or Stories of the Buddha's former Births*. Transl. from the Pali by various hands under the editorship of Prof. E. B. Cowell. Transl. by W. H. D. Rouse. Vol. II. Cambridge: University Press, 1895. 316 c.
23. Norman K. R. (transl., introd., notes) *The Group of Discourses (Sutta-nipāta)*. Second ed. Oxford: Pali Text Society, 2001. 456 p.
24. Anderse D., Smith H. (eds) *Sutta-nipāta*. New ed. Oxford: Oxford University Press, 1948. 226 p.
25. *The Middle Length Discourses of the Buddha. New Translation of the Majjhima Nikāya*. Transl. from Pali into English by Bhikkhu Ñāṇamoli and Bhikkhu Bodhi. Boston: Wisdom Publication, 1995. 1425 p.
26. Rhys Davids T. W., Stede W. (eds) *Pali-English Dictionary*. London: Pali Text Society, 1952. 738 p.
27. Trenckner V. (ed.) *The Milindapañho: Being Dialogues between king Milinda and the Buddhist sage Nagasena*. The Pali Text. London–Edinburgh: Williams and Norgate, 1880. 431 p.
28. *Dhammapada*. Transl. from Pali, introd. and comments by V. N. Toporov. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literaturi, 1960. 159 p. (In Russ.)
29. *The Dhammapada*. Transl. by Daw Mya Tin. Yangon, 2003. 176 p.
30. Woodville Rockhill W. (transl. from the Tibetan of the Bkah-gyur; notes and extracts from the comment. of Pradjnāvarman) *Udanavarga: A Collection of Verses from the Buddhist Canon, Compiled by Dharmatrāta. Being the Northern Buddhist Version of Dhammapada*. London: Trübner & Co., 1883. 224 p.

31. Barua A. (ed.) *Dīgha-nikāya (Romanize Pāli Text with English Translation)*. Vol. I. Delhi: New Rharatiya Book Corporation, 2008. 512 p.

32. Cowell E. B. (transl. from the Pāli by various hands; ed.) *The Jātaka or Stories of the Buddha's Former Births*. Vol. III. Cambridge: University Press, 1897. 328 p.

Information about the authors

Safarali Kh. Shomakhmadov – Ph. D. (Hist.), Senior Research Fellow at the Serindika laboratory, Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg, Russia; <https://orcid.org/0000-0002-5322-349X>,
✉ safaralihshom@mail.ru

Author's Links

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: February 08, 2022. Approved after peer reviewing: April 16, 2022.
Accepted for publication: April 16, 2022. Published: June 29, 2022

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU. The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.